

Вячеслав ПОЛУНИН:

Как же правда - 1996 - 1 февр.

«Клоун - всегда ребенок, который знает больше всех»

Я увидел его впервые в начале 80-х. Это был фрагмент из "Асисей-реву". Взлохмаченный грустный клоун звонил самому себе по огромному надувному телефону. Ругался, спорил, ссорился, мирился, рассуждал на "асисейском" языке о любви. Он был похож на каждого из нас. Так же одинок, как и золотой шар над ним, символизирующий маятник застывшего времени. Хотелось качнуть тот шар, но было "ай-я-й, низ-з-зя!".

С тех пор многое стало "лззя", но сохранилась потребность постоять у маятника времени, пытаюсь понять его. Каждая новая встреча с Клоуном Вячеславом Полуниным дает такую возможность.

Сокращая не по-газетному большое интервью, я постарался сохранить главное и перекроил беседу в монолог. Монолог Артиста.

Вячеслав Полунин (в центре) в объятиях «Лицедеев». Улыбка для «Комсомолки».

Фото автора.

Нормально ли то, что я уехал? Тут есть и нормальность, и ненормальность. Я хотел узнать другую клоунаду, другой мир, его традиции. Как только стена пала, я вырвался. Когда я побывал и изучил традиции жанра в Италии, Франции, Англии, Америке, я решил вернуться. К тому времени здесь был полный бардак. Я решил отдать два года, чтобы сказать себе: я пытался это сделать.

За эти два года удалось что-то сделать. Сорок театров новой волны были объединены в Ассоциацию. Работа шла, пока у меня и моих друзей были деньги... Я обращался к министерству культуры, в десятки фондов и банков, но идея культуры гротеска, культуры клоунады не нашла поддержки. Государство пока еще не способно помогать по-настоящему. Когда я понял, что 90 процентов времени упираюсь в стену и только 10 занимаюсь творчеством, я сказал: "Два года прошли. Я чист перед собой и уезжаю туда, где мне за 10 минут дадут то, на что здесь я трачу годы". Я выбрал на карте место, где располагается цирк номер один, мечта. В Америке. Но потом понял, что Америка не для меня. Она воспринимает искусство потребительски - как времяпрепровождение, как отдых. Поэтому я перебрался в Лондон, который считаю Меккой театра. Хотя там та же проблема, что и в России, - нет дотаций на искусство. Без всякой арендной платы я выбрал себе маленький красивый театрик на полторы тысячи мест. Очень старинный - в нем еще Чаплин начинал. И теперь в любое время приглашаю друзей со всего света и выпускаю спектакли. У меня своеобразный пик - четыре спектакля в работе...

Отрыв? Я его не чувствую. Три часа самолетом, и я в Ленинграде...

Рамиль ФАРЗУТДИНОВ.

...Есть такой городок в Орловской области - Новосиль. Я там родился в 50-м. Несколько моих самых любимых клоунов родились в том же году. Такое совпадение.

Все началось, видимо, когда мне было лет восемь. В новогоднюю ночь показывали Чаплина. Я впервые увидел его и просто не мог оторваться от экрана. И, когда мама погнала меня спать, я расплакался. А наутро взялся мастерить такую же тросточку, как у Чарли. Позже я прочел у Карандаша, что все клоуны делают реквизит сами. Иначе он получается "холодным".

Помню в классе пятом мы с ребятами, посмотрев фильм "Пес Барбос...", написали его продолжение, сценарий новых серий и даже отправили его Юрию Никулину. Тогда же я сделал первую пантомиму. Я показал это своим друзьям, мы побежали в Дом пионеров.

Через несколько лет я написал в сочинении, что хочу быть клоуном. Не знаю, почему. Я же занимался пантомимой, а написал "клоуном"...

После школы я оказался в городе своей мечты - Ленинграде. Мосты, аллеи, дворцы - все было на месте, не было

только того, что искал, - студии пантомимы. Уже почти отчаявшись, где-то через месяц, я нашел полусодранное объявление "СТУДИЯ ПАНТОМИМЫ"!!! Побежал, сломя голову. А там, за заветной дверью, парнишка какой-то в драном трико корячится. Вот и вся студия. Стали что-то делать вместе. Приходили новые люди. Получилась такая живая замечательная компания.

Своими учителями я считаю Никулина, Карандаша, Енгибарова, Райкина. Именно у Райкина я научился смеяться только над тем, над чем сам страдаешь больше других. Когда у тебя боль и ирония одновременно. Это как в семье: все подтрунивают над кем-то, но только потому, что любят его больше всех.

...Еще мы учились у мастеров немного кино. Я практически наизусть знаю фильмы периода бурлесков. Их "гэгвая" система была в основе школы "Лицедеев". "Гэг" - это некая шутка, неожиданный поворот в действии. Например, вскакивает бандит: "Руки вверх!" Все сразу вскидывают руки вверх, а часы - стрелки вверх!

Году в 68-м мы сделали первый спектакль. Мы еще не бы-

ли театром, но уже существовали как коллектив. Сейчас это слово затаскано. Это было абсолютно чисто, свободно от денег и карьеризма. Мы были детьми. Мы были максималисты. Мы еще не имели драматического начала, но у нас была "радость души". Это был образ нашей жизни - человек играющий. Зрители буквально лежали под стульями.

Когда я подбирал группу, понял, что нужно искать людей странных - каких-то длинных, худых, нескладных, с вот такой рожей (изображает) - в них очень часто внутри доброта, человечность. За 15 лет набралась группа из 15 человек.

Я хотел как бы вытащить традиции российской клоунады заново. Карандаш, Никулин и Енгибаров были тремя людьми, определявшими традиции российской клоунады за полвека. Карандаш с его, может быть, не такой театральностью и философией, как у Енгибарова, создал миф клоунады, миф карапет с пислявым дребезжащим голосом доказал, что человек-скоморох - это очень важно. Когда эти трое, Карандаш, Енгибаров и Никулин, ушли со сцены,

образовалась дыра. Я обожаю клоунаду, но в то время я ненавидел ее. Это была клоунада кривляния. А мне хотелось вернуть любовь к жанру. Наша работа строилась на трех принципах: философия, поэзия и социальная критика. Мы нашли то, о чем мечтали. Потому что клоун - это дитя, которое знает больше всех. Он вкладывает в простые вещи ощущение времени. Когда люди ничего не могли изменить в обществе, мой клоун был статичный, думающий и грустный. Когда вся наша жизнь была в разговорах на кухнях, появилась та миниатюра с телефоном, где я разговаривал с самим собой, делал вид, что с кем-то мирюсь, с кем-то ссорюсь.

В 82-м году мы организовали в Ленинграде первый фестиваль пантомимы и клоунады "Мимпарад". Это было для альтернативного театра практически то же, что и Вудсток для Америки. Съехалось около 800 актеров со всего Союза. Нам это запрещали, и сами мы еще ничего не умели организовать, но "Мимпарад" состоялся. Это было пробуждение альтернативной пантомимы и клоунады. На смену холоду и сухости пришел взрыв эмоций и театрального порыва.